
ЗАВОЕВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ДАШТ-И КЫПЧАКА МОНГОЛАМИ И ОБРАЗОВАНИЕ УЛУСА ДЖУЧИ

Чингиз-хан и монгольские завоевания

Военно-политические акции монгольских полководцев во главе с Чингиз-ханом, его сыновьями и внуками в первой половине XIII в. привели к существенным политическим и этническим изменениям на значительной части Евразийского континента, заложили основу для создания новой империи – Великого Монгольского Улуса (Улуса великих монголов).

Еке Монгол Улус¹ к моменту своего наибольшего военно-политического могущества и территориального охвата с сохранением сильной центральной власти, приходящихся на время правления четвертого великого каана империи старшего сына Тулуя (четвертый сын Чингиз-хана и наследник коренного юрта) Мунке-хана (1251–1259 гг.) включал в себя, по выражению «евразийца» Э.Хара-Давана, «4/5 Старого света» и протянулся «от Желтого до Адриатического моря» [Хара-Даван 1992, с. 17, 171].

Образование единого монгольского государства неразрывно связано с этническими, социально-экономическими и политическими процессами в сердце Центральной Азии – Монголии.

Начало второго тысячелетия ознаменовалось значительными изменениями в этнической карте Азии, закономерно повлекшими за собой и изменения в политической ситуации региона. Прежде всего, завершился «темный период» истории Центральной Азии, в результате которого практически исчезли последние этнополитические объединения, образовавшиеся в ходе распада и борьбы в древнетюркской империи. На территории современной Монголии и сопре-

¹ *Yeke mongyol ulus*, в китайских источниках – *Да Мэнгу го* – Государство великих монголов или Великое монгольское государство [Мункуев 1977, с. 402; Кычанов 1980, с. 145]. Т.Д. Скрынникова полагает, что речь может идти о двух Монголиях – *usutu mongol* (*водные монголы*) и *yeke mongol* (*великие монголы*), последние выступают новой общностью. См.: [Крадин, Скрынникова 2006, с. 140–148, 202–203].

дельных регионов появляются новые этнические и государственные образования, во многом определившие дальнейший ход этнополитических и социально-экономических процессов на большей части Центральной Азии в последующий период (XIII–XIV вв.).

Улусы (ранние государства) найманов и кереитов, меркитов и татар, жалаириков и конгыратов, собственно самих монголов периода Хабул-хана, Амбагая и Хутулы дали яркое представление о начале новой эпохи в истории кочевого мира². И если первый этап этой сложной эпохи, связанный с возвышением найманов и кереитов, не нашел своего достаточного отражения в исторических летописях того периода, то второй ее этап, завершившийся объединением монгольских племен и созданием единого монгольского государства в 1182 г., нашел яркое, хотя и не всегда полное отражение в источниках той эпохи. Объединителем монгольского народа и создателем единого монгольского государства без сомнения и по праву считается Темучжин. По всей видимости, уже на курултае 1182 г. (по выражению Б.Я. Владимирцова «совете родовичей») он получил свой грозный титул Чингиз-хан, совершенно вытеснивший его собственное имя [Козин 1941, § 123].

Вместе с тем, как это справедливо указывалось в советской и монгольской исторической литературе, «роль одной личности, даже такой выдающейся, как Чингисхан, в сложном социально-экономическом процессе создания монгольского раннефеодального государства» не следует переоценивать [Мункуев 1977, с. 387]. По справедливому замечанию А.М. Хазанова, «ему (Чингиз-хану. – К.У.) удалось сделать это только благодаря тому, что его деятельность совпала с объективной тенденцией развития монгольского общества ... не будь Темуджина, это объединение совершил бы кто-нибудь другой» [Хазанов 2000, с. 373]. Но несомненно и другое: этническая консолидация и возвышение единого монгольского народа, объективно шедшего к объединению и нуждавшегося в нем, способствовавшие появлению такой личности и во многом, если не во всем, определявшие его деятельность, могли и не окончиться подобным образом, «захлебнувшись» в огне распрей и междоусобиц, не появившись Темучжин с присущими ему качествами, широко описанными в «чинги-

² Л.Н. Гумилев в этой связи справедливо писал: «Началось рождение государств» [Гумилев 1989, с. 403].

зиаде»³. И в этом, конечно же, видится главная заслуга и историческое значение деятельности Чингиз-хана, сумевшего, безусловно, лишь при поддержке своих сторонников, объединить монгольский народ в едином монгольском государстве.

Великий курултай 1206 г. стал повторным и официальным утверждением нового и единого монгольского государства⁴, теперь уже включавшего в себя, кроме самих монголов, ранее отдельные улусы-государства найманов, керейтов, татар, меркитов и другие более слабые этнополитические объединения [Сандаг 1977, с. 27–34]. Именно в этом более широком значении можно считать, что монгольское государство образовалось в 1206 г.

Однако объединение всей Монголии под властью Чингиз-хана не положило конец военному, политическому и дипломатическому сопротивлению потерпевших поражение найманов и меркитов. Именно против них был направлен поход 1208 г. во главе с Субедеем. Потерпевшие поражение союзники бежали. Дети погибшего в бою меркитского вождя Токта-беки отступили с остатками своего войска дальше на запад, найманы во главе с Кучлуком, сыном Таян-хана, бежали в Жетысу к гурхану Каракитаев Чжулху (Джулху). Только к 1216 г. монголам удалось окончательно разбить меркитов, а разгром наймана Кучлука⁵, утвердившегося на каракитайском престоле в качестве нового гурхана, произошел в конце 1217 –

³ Сводку основной литературы, посвященной Чингиз-хану см.: [Гольман 1988, с. 82–83, 129; Чхао 2008; Лушников 2009]. Из последних работ можно отметить: [Кычанов 2004, с. 413–425; Храпачевский 2005; Уэзерфорд 2006; Кинаятулы 2010].

⁴ Это государство объединило в себе и другие этнические группы, главным образом тюркские. В этой связи говорят о создании тюрко-монгольской империи под началом монголов. Говоря о времени после курултая 1206 г. В.В. Трепавлов пишет: «Можно заключить, что будущая империя предполагалась как совокупность разноэтничных общностей» [Трепавлов 1993, с. 46].

⁵ В современной историографии пересматриваются прежние оценки деятельности Кучлука. Так Зардыхан Кинаятулы пишет о нем как о последовательном противнике Чингиз-хана и борце за независимость найманов [Кинаятулы 2001, с. 82–90], известный новосибирский специалист по истории западных киданей (каракытаев Жетысу) Г.Г. Пиков справедливо полагает, что негативная оценка Кучлука это «результат очень мощной пропагандистской кампании, проведенной против него фактически объединенными силами монгольских и мусульманских историков XIII в.» [Пиков 2006, с. 173; Пиков 1989, с. 99–106]. Благодарю Г.Г. Пикова за предоставленную копию статьи.

начале 1218 г. Отрубленную голову Кучлука монголы забрали с собой [Рашид ад-дин 1952б, с. 179, 183; Козин 1941, § 237; Буниятов 1986, с. 131; Гумилев 1993, с. 235].

Первым оседлым государством, на которое обрушились монгольские войска, стало государство тангутов *Си Ся* (Западное Ся) или *Да Ся* (Великое Ся). Сильное в военном отношении и высококультурное тангутское государство находилось к югу от пустыни Гоби и к северу от Тибета, на востоке доходило до реки Хуанхэ, на западе ограничивалось озером Кокунор [Кычанов 2008, с. 75]. Эти «храбрые люди» [Путешествия 1993, с. 114], еще задолго до Чингиз-хана «оказались втянутыми в события, развернувшиеся в монгольской степи» [Кычанов 2008, с. 667]. Чингиз-хан же, начав с незначительных локальных стычек 1205 г. и 1207–1208 гг. с тангутами, в 1209 г. начал открытое вторжение, однако войны с чжурчженской империей Цзинь и государством Хорезмшахов отсрочили падение Си Ся. Лишь в результате большой военной кампании 1225–1227 гг. тангутское государство окончательно было стерто с политической карты Азии [Кычанов 2008, с. 637–651, 676–677; Кычанов 1965, с. 77–80].

Обезопасив в результате первой монголо-тангутской войны 1209–1210 гг. свой тыл, монголы в следующем 1211 г. вторглись в пределы империи Цзинь, со стороны тангутского государства. В результате жестокой и кровопролитной войны, продолжавшейся шестнадцать лет, монголы захватили более девяноста цзиньских городов и утвердили свою власть фактически на все владения империи Цзинь к северу от Хуанхэ [Тихвинский 1977, с. 4; Мелихов 1977, с. 62–70; Уолкер 1998, с. 64–98].

Успешные военные действия, развернувшиеся в Северном Китае, позволили Чингиз-хану еще в 1216 г. оставить командование своему верному полководцу *го вану* Мухали и вернуться в Монголию, на северо-западе которой активизировались меркиты. По сообщению монгольского хрониста Рашид ад-дина меркиты «снова устроили там [свое] сборище и хотят начать враждебные действия» [Рашид ад-дин 1952б, с. 177]. Против них был направлен двадцатитысячный корпус Джучи, к которому был приставлен лучший полководец монгольской армии Субедей-бахадур. Победив на берегу Ыргыза (Иргиза) в Торгайской степи меркитов, возвращавшиеся монголы встретились с шестидесятитысячным войском правителя Мавераннахра хорезмшаха Султан Мухаммада. Хорезмшах, нагнав и навязав бой уставшим и численно уступавшим монголам, в

ходе битвы едва избежал плена, но только благодаря отваге своего сына Султана Джалал ад-дина. Монголы, нанеся в результате трехдневной битвы значительный урон (двадцать тысяч убитыми) войскам хорезмшаха, вернулись в ставку Чингиз-хана [Буниятов 1986, с. 134; Рашид ад-дин 1952б, с. 190; Ибн ал-Асир 2006, с. 350–351].

Стремительно развивавшаяся политическая конфронтация сторон заставила и монголов и хорезмийцев готовиться к большой войне, которая не заставила себя долго ждать. Политическая близорукость хорезмшаха Мухаммада, как впрочем, и многих других противников Чингиз-хана (к примеру, чжурчженей и тангутов), очень скоро вылилась в «отрарский инцидент», который хорезмшах не смог ни предотвратить, ни благополучно для всех разрешить. В итоге казнь монгольских купцов в Отраре полунезависимым наместником хорезмшаха в этом городе Иналчуком Гайир-ханом стала «последней каплей, переполнившей чашу терпения Чингиз-хана» [Буниятов 1986, с. 136] и положила начало открытым военным действиям⁶.

В сентябре 1219 г. войска Чингиз-хана появились у стен Отрара. Предвидя долгую осаду города, которая действительно затянулась до февраля 1220 г., Чингиз-хан оставил под его стенами Чагатая и Угедея, а сам с главной частью войск, которые он разделил на три части, продолжил продвижение в глубь государства Хорезмшахов. Одна часть армии под командованием Джучи была направлена на покорение Дженда и Барчанлыгкента⁷, лежащих к северу от Отрара, другая – под командованием Улак-нойона (Алах, Алак) – была послана на захват городов по верхнему течению Сырдарьи, к югу от Отрара, а основные силы, во главе которых Чингиз-хан встал сам со

⁶ В «советской» историографии «отрарский инцидент» (иногда именуемый «отрарской катастрофой») рассматривался как повод, который Чингиз-хан использовал для завоевания государства Хорезмшахов [Петрушевский 1977, с. 110–118], тогда как еще В.В. Бартольд (критикуемый своими «советскими» учениками) считал события в Отраре, а затем и убийство монгольских послов самим хорезмшахом, достаточной причиной для начала войны [Бартольд 1963а, с. 460–474]. Эта его позиция была поддержана «советским» азербайджанским востоковедом З.М. Буниятовым [Буниятов 1986, с. 136]. Также нельзя не учитывать честолюбие и жадность отрарского наместника, сыгравшего роль «детонатора» последующих военных действий [Ахинжанов 1995, с. 223; Джувеини 2004, с. 52; Рашид ад-дин 1952б, с. 67, 187–189].

⁷ *Варианты*: Барджинлиг-кенд, Барджлык-Кент, Барчилигкент, Барчкенд, Барчин.

своим младшим сыном Тулуем, направились в сторону главных городов Мавераннахра – Бухары и Самарканда. В течение второй половины 1219 – первой половины 1220 г. основные города Мавераннахра были уже в руках монголов. В следующем году монголы полностью захватили Хорезм и Хорасан. Осенью 1222 г. Чингиз-хан вернулся в Самарканд и лишь через три года в 1225 г. он вернулся в Монголию⁸.

Широкомасштабные внешние войны Чингиз-хана 1209–1227 гг. привели к созданию одного из самых сильнейших государств эпохи средневековья.

⁸ Подробное изложение, источники и литературу см.: [Бартольд 1963а; Петрушевский 1977, с. 123–130; Буниятов 1986, с. 139–154].